

УДК 159.9+17

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-30-64

Стивен Ф. Леду

*Университет штата Нью-Йорк
34 Cornell Drive, Canton, NY, 13617, USA*

ledoux@canton.edu

О ЦЕННОСТЯХ, ПРАВАХ, ЭТИКЕ, МОРАЛИ И ВЕРОВАНИЯХ

Ранее, в гл. 18, мы расширили перечень освещенных нами положений, относящихся к сфере бихевиорологических исследований, рассмотрев достаточно хорошо развитую экспериментальную область изучения *отношений эквивалентности*. Отдельные моменты позволяют оценить не только функциональную эквивалентность многих – если не большинства – стимулов, равно как и их конкретные относительные свойства, но и некоторые недостаточно разработанные до сих пор области приложения эквивалентности, позволяющие значительным образом повысить эффективность широкого круга человеческих начинаний, от всех видов и форм образования до обеспечения экологичного образа жизни.

Теперь же, в настоящей главе ¹, мы распространим наш бихевиорологический подход на ряд взаимосвязанных тем, среди которых ценности, права, этика и мораль. В них, равно как и в отношениях и верованиях, а также некоторых темах последующих глав, отражается ряд древних проблем, не оставляющих человечество по сей день. Мы, люди, в течение долгого времени задавали вопросы и искали ре-

¹ Данная статья представляет собой перевод 19-й главы книги Стивена Ф. Леду «Время на исходе: бихевиорология для помощи в решении глобальных проблем» (Running Out of Time – Introducing Behaviorology to Help Solve Global Problems, 2014). Переводится с разрешения автора.

Леду С. Ф. О ценностях, правах, этике, морали и верованиях // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 30–64.

шения для этих и некоторых других загадок, но до недавних пор были вынуждены обходиться без по-настоящему удовлетворительных ответов, таких ответов, которые бы отличались от полученных в течение последних нескольких тысяч лет, таких научных ответов, которые бы изменили наше отношение к самим себе и миру вокруг нас. Сейчас мы перейдем к рассмотрению научных ответов на эти давние вопросы. В силу упомянутой научности, данные темы станут первыми, для которых наше предупреждение из *части II* – перед главой 13, говорящее о необходимости ознакомления с *частью I* перед переходом к *части II* – является особенно актуальным.

Некоторый исторический контекст

Ранее существовавшие ответы на древние вопросы были, конечно же, тем или иным образом полезны, но записи, касающиеся истории человечества – к примеру, относимые к Древнему Китаю и Древнему Египту – показывают, что до недавних пор эти вопросы и ответы мало изменялись в течение как минимум последних 5 тыс. лет или, что весьма вероятно, дольше – возможно, с момента развития вербального поведения, которое, согласно нашим современным оценкам, произошло минимум 50 тыс. лет назад. На протяжении большей части этого временного периода мало что изменялось и относительно условий жизни. Более того, в высшей мере плавных изменений, происходивших в культурных контингенциях², до недавних пор (т. е. приблизительно до момента, наступившего 400 лет назад) было недостаточно, чтобы вызвать большую часть поведенческих паттернов, которые мы именуем наукой; будучи недоступной нам, наука не могла пролить свет на что-либо, включая и эти давние вопросы и ответы.

Затем, приблизительно в 1600 г. н. э., аккумулирующиеся в культурных контингенциях изменения начали производить на свет паттерны научного поведения (к примеру, формы поведения, рассматривавшие исходящие от сугубо природных явлений свидетельства в качестве независимых и зависимых переменных, которые люди могут наблюдать или измерять). На протяжении четырех последующих веков достижения в науке и поддерживающие их культурные контингенции взаимно ускорились, так что за последние 150 лет наука принесла лю-

² Контингенция (англ. *contingency*) – понятие, предложенное в рамках радикального бихевиоризма для обозначения связи между стимулом и реакцией при оперантном обусловливании; впрочем, автор распространяет его и на респондентное обусловливание (примеч. пер.).

дям по всему земному шару большей частью полезные и достаточно масштабные – по сравнению с предшествующими тысячелетиями – изменения (к примеру, в сферах коммуникации, производства пищи, строительства, медицины и санитарии, транспорта).

Как бы то ни было, ответы на давние вопросы о человеческой природе и человеческом поведении, основная предметная область поведенческих наук, оставались за пределами компетенции традиционного естественно-научного знания (например, физики, химии, биологии), поскольку – возможно, это являлось необходимым элементом выживания в культуре XVII в., все еще контролируемой богословием – наука оставила их теологическим и философским учениям, покоящимся на основаниях мистицизма. Позднее, в XIX в., на предметную область человеческой природы и человеческого поведения, включающую наши древние вопросы, стали претендовать светские дисциплины, обладающие тем же мистическим основанием. Затем, в начале XX в., начала разрабатываться естественная наука о поведении, впоследствии обратившаяся к решению так долго стоявших перед человечеством вопросов (см., к примеру: [Skinner, 1938]). В качестве познавательного и развлекательного источника, показывающего масштаб произошедших перемен в традиционных и поведенческих естественных науках, а также проводящего сравнения с мистическими учениями, можно привести роман Джозефа Уайатта [Wyatt, 1997] «Человек тысячелетия» (The Millennium Man), написанный в 1997 г. Удерживая в уме гл. 4 данной книги, можно, однако, вспомнить, что в своем романе Уайатт использовал термин «анализ поведения» как ярлык для естественной науки о поведении, дабы показать, что эта дисциплина безмерно отличается от психологии. Тем не менее, в силу того, что психология сейчас присваивает себе ярлык «анализ поведения», его использование Уайаттом сбивает с толку сегодняшних читателей. Чтобы уменьшить путаницу, я рекомендую читателям мысленно заменять «анализ поведения» на «бихевиорологию», когда это словосочетание будет появляться на страницах книги Уайатта.

Как бы то ни было, не существует законов природы, которые бы утверждали, что наука не может ответить на древние вопросы о природе человека и его поведении. Биология начала рассмотрение части из них, в особенности тех, которые касаются естественного происхождения человеческого тела, а бихевиорология в значительной мере продолжает и расширяет это начинание. Вы можете прочитать написанный в 1948 г. роман Б. Ф. Скиннера «Уолден-два» (Walden Two), чтобы в познавательно-развлекательном ключе ознакомиться

с теми переменами, которые могут произрастать из бихевиорологического подхода к ответу на некоторые из древних вопросов, с которыми сталкивается человечество [Skinner, 1948]. Тем не менее снова обратимся к гл. 4: хотя изложенные взгляды актуальны сейчас в той же мере, как и во время написания книги, Скиннер часто использовал слово «психология» для обозначения *естественной науки о поведении*, в русло которой он и его коллеги в то время пытались повернуть традиционную психологию. Поскольку естественная наука о поведении не была тогда – и не является сейчас – психологией в каком бы то ни было виде, использование этого слова также путает нынешних читателей. Посему я снова должен порекомендовать заменять его на «бихевиорологию», чтобы уменьшить эту путаницу.

Темы, затрагиваемые в этой главе, касаются поведения и давних вопросов человечества. Мы уже представили множество основных положений, касающихся поведения и тех переменных, функцией которых оно является, которые естественная наука о поведении открыла за последние сто лет; поэтому давайте же посмотрим, сможем ли мы приблизиться к удовлетворительным, меняющим сложившуюся ситуацию ответам на некоторые из вопросов, столь долго стоящих перед человечеством.

Признаем, однако, что бихевиорологи не являются единственными представителями естественных наук, занимающимися данными проблемами. Множество хорошо известных и достойных исследователей, работающих в русле традиционных естественных наук (к примеру, Ричард Докинз и Сэм Харрис), приложили свои усилия для решения некоторых из этих вопросов (например, проблем этики и морали). Тем не менее отсутствие у них минимальных фоновых знаний в области бихевиорологии, тех знаний, которые бы привели к увязыванию естественной науки о поведении с их собственными специальностями, повлекло за собой попытки втиснуть представление об этих явлениях в рамки нейрофизиологии, эволюции и генетики. Каждая из этих областей действительно значима, но их роль больше относится к сфере того, *как* происходят эти явления. То, что мы рассмотрим в настоящей главе, больше относится к тому, *почему* эти явления происходят. Человечеству необходима такая линия исследований, поскольку она может очертить круг доступных нам независимых переменных, связанных с данными феноменами.

В дальнейшем эти независимые переменные могут вызвать более активное человеческое участие в контингенциях, направляющих развитие отношений, ценностей, прав, этики, морали и верований

в определенных направлениях – некоторые из которых могут иметь отчетливое отношение к вопросу нашего дальнейшего выживания – вместо того, чтобы оставлять эти направления во власти *совпадений*. В этом нет ничего нового, это все та же дихотомия, к которой Скиннер и другие неоднократно обращались в прошлом в терминах «случайность против замысла». В последнее время, с учетом нашего естественно обусловленного дискомфорта, вызываемого неестественными смыслами термина «случайность», слово «совпадение» лучше соответствует этому контексту.

Один из примеров в рамках настоящей темы, имеющий потенциальное значение для нашего дальнейшего выживания и демонстрирующий взаимосвязь некоторых понятий, которые рассматриваются в данной главе, касается ценности экологичного образа жизни. Основываясь на истории обусловливания, превращающей компоненты такого образа жизни в условные подкрепители³, мы заявляем об этой *ценности* как о *праве*, которое заслуживает соблюдения в качестве *этической* нормы и которое даже может быть *морально* правильным в данный момент времени. Такие возможности, конечно же, угрожают мистическим и суеверным допущениям о природе человека и человеческом поведении, которые пробуждаются к жизни культурными традициями, прошедшими через поколения культурного же обусловливания. Это культурное обусловливание возникло из наших 50 тыс. лет – из которых задокументированы последние 5 тыс. лет – аккумуляирования вербального обусловливания в обстоятельствах, которые не допускали сколь угодно тщательной проверки реальности. Поэтому теперь это обусловливание включает в себя множество непроверяемых мистических и суеверных положений. Возможно, это обусловливание по-прежнему влияет на ваше поведение тем или иным образом – вероятно, даже вызывая негативную эмоциональную реакцию на обсуждение подобного рода тем. Я могу только надеяться, что обеспеченное последними восемнадцатью главами контробусловливание окажется для вас адекватным интеллектуальным и эмоциональным противовесом.

³ В оригинале – ‘*reinforcers*’, что традиционно переводится на русский язык как «подкрепления»; однако представляется разумным ввести иной термин для различения собственно процесса подкрепления (*‘reinforcement’*) и стимула, участвующего в нем (*‘reinforcer’*). По этой причине здесь и далее по тексту для обозначения процесса используется термин «подкрепление», а для обозначения стимула – «подкрепитель» или «подкрепляющий стимул» (примеч. пер.).

Держа в уме это представление о существовании некоторых взаимосвязей между понятиями, рассматриваемыми в этой главе, давайте, в свою очередь, рассмотрим в первом приближении отношения, ценности, права, этику, мораль и верования. Для существенно более детального рассмотрения см. [Fraleley, 2008, гл. 25]. Также можно обратить внимание на широкое применение понятий из этой главы по отношению к теме, которая в конечном счете касается каждого, а именно теме достойного умирания, которую Фрейли [Fraleley, 2012] представляет в своей книге 2012 г. «Умирание с достоинством – бихевиорологическая танатология» / *Dignified Dying – A Behaviorological Thanatology.*)

Отношения

Укорененное в прошлом, широко распространенное, научно необоснованное культурное обусловливание заставляет не подкованных с научной точки зрения людей имплицитно (т. е. в виде мыслей) реагировать на вербальный стимул «*отношение*» как на понятие, которое отсылает нас к «чему-то», что можно «иметь», и обладание им якобы объясняет какие-либо паттерны поведения. Подобная стандартная формулировка, учитывая наличие к данному моменту более глубокого научного понимания контингенций и поведения, с большой долей вероятности вызвала у вас мысль о том, что это всего лишь фиктивное представление о поведении. «Иметь» означает «*обладать*», а в отношении нет ничего, чем можно было бы обладать; размышления об отношениях в таком духе неизбежно приводят к возникновению внутреннего субъекта, который имеет, обладает, является причиной поведения. К нашей чести, мы давно научно дискредитировали идею внутренних субъектов и отвергли их.

В качестве альтернативы, люди иногда говорят, что утверждение о существовании некоего отношения просто описывает предрасположенность вести себя определенным образом. Это звучит лучше. Тем не менее такой вариант также оставляет вопросы, заставляя нас задуматься: что есть предрасположенность? Если, говоря о *предрасположенности*, мы ссылаемся на нечто, что имеет или чем обладает другой гипотетический внутренний субъект, то еще один слой ненаучных понятий погружает нас еще глубже в трясину мистических представлений. Если вместо этого на основании *предрасположенности* мы всего лишь делаем предсказание об общей вероятности определенного поведенческого паттерна, упомянутого в названии самого

отношения, то у нас под ногами может оказаться рациональная научная опора. В первую очередь это справедливо, если результаты наших предшествующих наблюдений за повторениями определенного поведенческого паттерна образуют стимулы, вызывающие наше предсказывающее поведение как часть запуска наших вербальных ответов об *отношении* и *предрасположенности*. В качестве еще одной альтернативы, *предрасположенность* может относиться к частям нервной системы, которые имеют разную структуру в силу генетических причин или предшествующего обусловливания, так что при достижении их следами энергии от релевантных стимулов, они с готовностью опосредуют определенные поведенческие паттерны, которые мы называем *отношениями*.

В то время как подтверждение этих функциональных отношений развивается по мере нашего сотрудничества с коллегами-физиологами, нас может удовлетворить и определение отношения как нервной предрасположенности вести себя определенным образом. Но я подозреваю, что обусловливание несколько более проработанного определения послужит нам лучше. Давайте определим термин *«отношение»* как вербальный ярлык для обозначения определенных поведенческих паттернов, которые вызывают и следуют за тематически связанными с ними стимулами, в то время как сама эта тема фигурирует в названии отношения. При этом нам не требуется обращаться к генетике или истории обусловливания, которые мы называем предрасположенностью вести себя определенным образом, какими бы достоверными они ни были. Достаточно подумать о различных наименованиях отношений, вызываемых обстоятельствами, и можно получить более широкий круг примеров, нежели те стандартные, которые обычно фигурируют в качестве примеров в подобного рода дискуссиях (к примеру, «*позитивное отношение*», «*агрессивное отношение*» или «*небрежное отношение*»).

Конечно, мы всегда должны быть уверены в том, что у любого человека, с которым мы говорим о том или ином отношении, сам термин *«отношение»* всегда вызывает реакции, которые укладываются в то же по своей сути определение. Это необходимо по той причине, что если в лучшем случае понятие *«отношение»* остается вербальным ярлыком для совокупности наборов стимулов и неоднократно ими вызываемых паттернов реакций, то в худшем, но более распространенном варианте, термин *«отношение»* остается одним из фиктивных объяснений поведения (многие из которых мы обсудили в гл. 4).

Прежде чем обращаться к ценностям, правам, этике и морали, давайте рассмотрим проблему измерения в исследованиях отношений и некоторые из способов ее решения. Феномен, неоднократно наблюдавшийся представителями многих направлений, состоит в разрыве между вербальным поведением, измеряемым в основанных на использовании опросников и анкет исследованиях, и невербальным поведением, оцениваемым в иногда проводимых впоследствии наблюдениях. Иначе говоря, «то, что люди говорят, что они будут делать, часто не совпадает с тем, что люди делают на самом деле».

Различными способами и в различных форматах, но почти всегда в субъектной ⁴ форме, людей спрашивают: «Что бы вы сделали в таких-то и таких-то условиях или обстоятельствах?». Это, конечно же, субъектная версия вопроса, который мы могли бы сформулировать по-научному: «Какова прогнозируемая степень побудительных влияний таких-то и таких-то условий или обстоятельств на “ваше” поведение?». В любой из этих форм вопрос вызывает: 1) имеющие нервную природу реакции сознания, описываемые нами как оценка вероятности побудительных влияний стимулов, фигурирующих в вопросе (т. е. «таких-то и таких-то условий или обстоятельств») и 2) вербальный отчет об этой оценке. Иногда исследователи наблюдают впоследствии за своими испытуемыми для оценки реальной встречаемости того поведения, которое должно измеряться опросником или анкетой. Как бы то ни было, данные этих опросников и анкет, ориентированных на измерение вербального поведения, часто не совпадают с результатами наблюдений, направленных на оценку невербального поведения. В силу того, что результаты исследований, проводимых с помощью анкетирования, вызывают определенные паттерны управленческих решений и другие поведенческие изменения со стороны тех, кто – зачастую наряду с широкой публикой – оплачивает проведение исследований, эти расхождения между вербальным и невербальным поведением могут приводить к негативным последствиям.

Возможно, лучшим способом предотвращения таких негативных последствий, проистекающих из нераспознанных расхождений между вербальным и невербальным поведением респондентов, является измерение обоих. По мнению некоторых, еще более удачным решением – если интересующее нас поведение не является исключительно *вербальным*, обнаруживающим себя в качестве ответов на предлагае-

⁴ Предполагающей наличие упоминаемого выше «внутреннего субъекта» (примеч. пер.).

мые респондентам вопросы – будет отказ от использования опросников и анкет и перенаправление усилий (и средств) на более тщательное наблюдение и измерение фактического поведения, вызывающего у нас интерес. Теперь давайте перейдем к ценностям, правам, этике и морали.

Ценности, права, этика и мораль

Многие из понятий, которые мы рассматриваем в этой главе – а именно понятия ценностей, прав, этики и морали – связаны друг с другом по принципу своеобразного крещендо⁵ сложности. На протяжении тысяч лет эти темы вызвали вопросы и порождали дискуссии. Хотя обсуждаемые нами ответы не являются исчерпывающими, они, по крайней мере, научно обоснованы. Мы начнем с ценностей, поскольку они напрямую связывают вышеозначенные понятия с измеримыми переменными в преобладающих контингенциях (см.: [Skinner, 1953; 1971]).

Ценности

Говоря упрощенно, *ценности* – это подкрепители. Однако для многих людей контингенции скрывают данный факт. Пока не возникнут контингенции, обуславливающие такое достоверное понимание, все то же лишенное научного фундамента культурное обуславливание, которое вызывает проблемы и в случае отношений, будет принуждать людей реагировать на термин «ценность» не как на простую характеристику различных объектов, действий, людей и т. д., а как на понятие, относящееся к чему-то, чем обладает внутренний субъект. В рамках привычных субъектных представлений о поведении субъект (любого рода) заставляет тело осуществлять поведение, согласующееся с имеющимися ценностями или ценностными характеристиками. Мы, конечно же, осуществляем экзорцизм идеи внутреннего субъекта как недостойной с научной точки зрения и отвергаем фиктивные объяснения поведения.

Еще раз, говоря упрощенно, *ценности* – это подкрепители. Вещи, которые мы ценим, в которых нуждаемся, которые высоко ставим, которыми дорожим, к которым поддерживаем наш доступ и т. д., функ-

⁵ Крещендо (*crescendo*) – музыкальный термин, означающий усиление звука, постепенный переход от тихого звучания к громкому (примеч. пер.).

ционируют как подкрепляющие стимулы. К примеру, мы часто сталкиваемся с относительно простыми стимульными обстоятельствами, такими как поиск стимула, служащего подкрепителем для улучшения поведения бедного и голодного студента. Данная ситуация заставляет нас задать этот, казалось бы, узкий вопрос: «Что подкрепляет поведение этого студента?». Благодаря некоторому наблюдению мы можем открыть один или два доступных нам типа стимулов, которые выполняют эту функцию и тем самым отвечают на наш вопрос. Ответ также рассказывает нам нечто о том, что этот студент ценит, хотя в качестве ценностей подкрепители могут быть весьма комплексными по характеру. Допустим, широкий набор стимулов (который нам нет нужды здесь конкретизировать) заставляет нас задать вопрос, кажущийся более широким: «Каковы ценности этого студента?». Опять же, благодаря некоторым наблюдениям, мы можем открыть и составить внушительный список его или ее ценностей. Когда мы изучим этот список, мы обнаружим, что он содержит наименования множества стимулов, подкрепляющих его или ее поведение, начиная с денег и еды. В конце концов, для какого бедного и голодного студента деньги и еда не будут служить подкрепителями? Возможно, вы подумали, что под «бедным» я имел в виду, что студент бесталанен или ленив, а не является неимущим.

Но помимо денег и еды, в этом списке ценностей может появиться широкий перечень дополнительных стимулов, включая актуальные и исторически сформированные, каждый из которых может выступать в качестве подкрепителя для поведения студента. К примеру, в перечне мы могли бы найти удобное жилье, честных друзей, справедливых и компетентных преподавателей, тихое место для занятий, мощный компьютер, хорошую аудиосистему и много музыки. Мы также могли бы найти в перечне различные возможности – возможности организовать, участвовать или посещать развлекательные мероприятия (например, концерты, оперы, спектакли, фильмы) и возможности для реализации своих навыков, связанных с досугом или же практических. В их число могут входить навыки игры на музыкальном инструменте, изначально обусловленные в средней школе контингенциями, связанными с пребыванием в ансамбле, или навыки стрельбы по мишеням, обусловленные в старшей школе контингенциями, связанными с участием в команде, или охотничьи навыки, изначально обусловленные регулярными поездками с родственниками – поездками, после которых еда оказывается на столе и в холодильнике. Мы даже можем найти в перечне большой, мощный, безмерно безопасный автомобиль,

который надежен, несмотря на большой расход бензина; по-видимому, в случае этого студента необходимое социальное обусловливание еще не превратило как можно меньший углеродный след в подкрепляющий стимул. Все эти вещи могут составлять часть ценностей студента, часть его или ее подкрепителей.

Теперь давайте взглянем на этот список еще раз. Кажущийся более широким вопрос (т. е. «Каковы ценности студента?») по своему существу оказывается тем же, что и вопрос, предположительно являвшийся более узким (т. е. «Что подкрепляет поведение студента?»). Оба вопроса касаются подкрепителей студента и его ценностей, а это одно и то же. То, как много или мало из них появится в списке, имеет мало значения. Подкрепители – это вещи, которые он или она ценит, и, наоборот, ценности – это его или ее подкрепители. Это применимо к каждому. Вы можете убедиться в этом, составив еще несколько списков. Держа в уме, что поведение, как и реальные события, способны выступать в роли стимулов, составьте перечни стимулов, подкрепляющих ваше поведение и поведение хорошо вам знакомого приятеля, перечень, относящийся к тому, кого вы знаете плохо, и перечень, относящийся к участникам тематической группы. В каждом случае вы увидите, что перечень того, что кто-либо ценит, повторяет перечень их подкрепителей. Ценности – это подкрепители.

В качестве наблюдения вы также можете заметить, что перечни становятся короче, если вы составляете их в описанном выше порядке. Вы можете быть хорошо знакомы с длинным списком ваших ценностей и ценностей ваших друзей – ценностей, которые вы, скорее всего, разделяете – в то время как в случае плохо знакомых вам людей вы сможете заметить лишь несколько ценностей, а в случае определенной группы людей, возможно, вы распознаете лишь одну, главную, всеми ими разделяемую ценность. Эта главная ценность, главная вещь, подкрепляющая поведение всех членов группы как целого, вероятнее всего фигурирует в названии группы. К примеру, что является главной ценностью – главной вещью, подкрепляющей поведение всех участников группы как единого целого – в случае группы, именующей себя «Союз за смерть с достоинством»?

В качестве альтернативы, некоторые определяют ценность как *поведение*, которое производит подкрепитель. Это превращает чьи-либо ценности в формы поведения, которые производят чьи-либо подкрепляющие стимулы. Следуя нашему первому определению, если незначительный углеродный след находится среди стимулов, подкрепляющих ваше поведение, то одной из вещей, которые вы цените,

будет незначительный углеродный след. Согласно второму определению, вместо этого одной из ваших ценностей будут формы поведения, которые порождают такой углеродный след. Тем не менее общепринятые формулировки в отношении ценностей подразумевают, что последние являются стимулами; поэтому я предпочитаю наше первое определение – то, которое мы и используем здесь по мере перехода к обсуждению прав, этики и морали.

Перед этим, однако, следует признать, что мы рассматриваем лишь ценности, которые являются *безусловными* подкрепителями, включающими необходимые для индивидуального и видового выживания стимулы (к примеру, еда, вода, секс) как ценные по своей сути, *абсолютные* ценности (хотя, как мы увидим, даже среди них есть как минимум частичные исключения). Другие ценности приобретают свой статус через процесс обусловливания, ассоциирование, которое обуславливает подкрепляющую функцию стимулов, в иных случаях не являющихся таковыми (т. е. изначально нейтральных). Этот процесс заставляет данные стимулы функционировать как условные подкрепители, и поэтому также делает их ценностями, но уже относительными, поскольку без такого ассоциирования они не функционируют ни как подкрепители, ни как ценности. Данное различие скоро обнаружится в дихотомии абсолютных и относительных прав, а также этики и морали. Давайте теперь обратимся к правам.

Права

В то время как термин «*ценности*» относится к подкрепителям, термин «*права*» относится к доступу к ценностям, к подкрепляющим стимулам. Учитывая эту связь с физической, измеримой реальностью, включающей поведение и контингенции, мы можем сосредоточить наше внимание на правах (а чуть позже – этике и морали) как явлениях, доступных рассмотрению через призму научных представлений, которые мы постулируем в рамках естественной науки о поведении. Мы определяем право как беспрепятственный доступ к ценности, к подкрепляющему стимулу. Это определение связано с контингенциями – зачастую в виде депривации или принуждения – которые вызывают определенные формы вербального поведения, формы, которые мы называем требованиями соблюдения прав. Они часто принимают форму требований беспрепятственного доступа к ценным подкрепителям (см.: [Vargas, 1975]; также см.: [Krapfl & Vargas, 1977]). Контингенции депривации или принуждения также вызывают и не-

вербальное поведение в виде особой деятельности по поддержанию прав и получению подкрепителей, часто вовлеченной в процесс реализации прав. Обычно мы интерпретируем право как абстракцию, в то время как требования соблюдения прав или их реализация представляют собой более явные поведенческие события.

Если рассматривать права чуть более пристально, можно заметить, что при аккумуляции депривации или в случае, когда что-либо выступает в качестве принуждения, вставая на нашем пути к подкрепляющему стимулу, мы заявляем, что доступ к подкрепителю является нашим правом. Иногда мы требуем право доступа индивидуально, а в других случаях – будучи членами группы. Иногда право относится к незамедлительному и личному подкрепителю, а в других случаях – к отсроченному и традиционному. Примером права на незамедлительный, личный и индивидуальный подкрепляющий стимул может быть ситуация, в которой некто, вернувшись домой уставшим после тяжелой рабочей смены, будет претендовать – в качестве права – на доступ к периоду тишины и покоя в доме, где обычно шумят дети и грохочут аудиосистемы, радиоприемники, телевизоры или компьютеры. Примером права на сформированный группой и отсроченный подкрепитель является то, как после правительственного запрета на самозащиту или защиту близких (обстоятельство, которое может быть описано некоторыми как депривация и принуждение одновременно) группа законопослушных горожан, затронутая этим запретом, может дружно потребовать восстановления этого права на самооборону. Затронутая группа в таком случае действительно включает всех, хотя не все участвуют или даже не всегда понимают общую долгосрочную заинтересованность в деятельности группы. Достаточно посмотреть на историю двадцатого века, чтобы убедиться в том, что многие примеры тиранического поведения начинались с разоружения населения – осуществляемого зачастую не самим тираном – в силу каких-то веских причин, после чего тиран куда легче приходил к власти над обезоруженным населением. Тем не менее история знает крайне мало примеров, когда такие тираны очень долго оставались на вершине. Тираническое принуждение все равно рано или поздно вызывает полномасштабную волну противодействия.

Помимо описанных возможностей существует множество прав, обусловленных историей наших индивидуальных или групповых контингенций, включая контингенции национальной политики; достаточно вспомнить Билль о правах и поправки к Конституции США. Мы говорим, что человек реализует право, когда стимулы вызывают

формы поведения, порождающие подкрепляющие ценности, к которым и относится право. Как бы то ни было, не обязательно реализовывать право, чтобы выдвигать требования относительно соответствующих подкрепителей. К примеру, все законопослушные граждане США могут выдвигать разумные требования, связанные с личным конституционным правом на хранение и ношение оружия (гарантированным Второй поправкой); однако лишь часть этих граждан может реализовывать данное право в тот или иной промежуток времени.

Действительно, не всем заявляющим о праве на беспрепятственный доступ к ценным подкрепляющим стимулам необходимо реализовывать это право в качестве единственного способа получения выгоды. Например, ФБР (Федеральное бюро расследований) приводит статистику за 2011 г. (наиболее свежую в момент написания книги), демонстрирующую продолжающееся снижение количества преступлений с применением насилия в целом и убийств в частности более чем на 50 %, до сорокалетнего минимума, за 20 лет – период, в течение которого количество штатов, принявших законы о ношении скрытого оружия, превысило 40. Эти тенденции типичны для штатов, реализующих законы, поддерживающие Вторую поправку. Обратные тенденции типичны для штатов, правительства которых вводят законы, по существу своему требующие, чтобы взрослые граждане и дети становились жертвами – ранеными, изнасилованными, искалеченными или убитыми – если местная полиция оказывается не в состоянии добраться до места преступления до того момента, как в ходе преступления гражданину будет причинен вред. С формальной точки зрения, хотя некоторые могут утверждать, что эти данные описывают лишь корреляционные связи, другие могут утверждать, что законодательные органы штатов уже организовали и провели воспроизводимые и обоснованные аналоги экспериментальных исследований, в силу чего эта статистика отражает функциональные зависимости. В любом случае, мы можем оценить с научной точки зрения выводы и следствия. Все граждане выигрывают, когда криминальная активность снижается в результате – или хотя бы при наличии – законов, которые признают право на ответственную самооборону с применением оружия, как в случае законов о ношении скрытого оружия, принятых в большинстве штатов. В этих штатах любая потенциальная жертва может оказаться законопослушным гражданином, имеющим при себе скрытое огнестрельное оружие для самозащиты, в силу чего – благодаря процессам, подобным генерализации – все потенциальные жертвы, независимо от наличия у них оружия, становятся ме-

нее побудительными для незаконных форм поведения преступников или потенциальных преступников.

Групповые преимущества зачастую значительно превышают отдельные индивидуальные неудобства – предположим, от несчастных случаев, связанных с оружием, число которых, согласно правительственной статистике, стабильно снижалось на протяжении десятилетий непрерывных и широко распространенных программ обучения граждан безопасному обращению с огнестрельным оружием (если вы самостоятельно изучите правительственные отчеты в местной библиотеке или на правительственных веб-сайтах, то получите самые свежие статистические данные, соответствующие этим сохраняющимся десятилетиями тенденциям). Помимо правительств, применение санкций или принятие мер для защиты прав осуществляется и другими группами. Возможно, наиболее примечательными из них являются религиозные объединения и корпорации (см., например: [Skinner, 1953, гл. 21–26]).

Другой набор прав, который необходимо реализовывать всем и относительно доступа к которому все могут выдвигать требования, относится к экологической сфере и включает права на чистый воздух и питьевую воду, на здоровую атмосферу и неповрежденный озоновый слой, на свободную от пестицидов еду и безопасное перемещение, на возможность вторичной переработки и экологичный образ жизни, на уровень населения, соответствующий ресурсам планеты и т. д. Учитывая долгосрочный характер потребностей человечества в таких правах, давайте оставим их в поле нашего внимания даже после перехода к рассмотрению этики и морали.

Этика

В то время как понятие «ценности» относится к подкрепителям, а понятие «права» – к доступу к ценностям (т. е. требованиям свободного доступа к подкрепляющим стимулам), понятие «этика» относится к поведению, заключающемуся в соблюдении этих требований беспрепятственного доступа к ценным подкрепителям. Действительно, мы определяем этику и этическое поведение как поведение, уважающее требования соблюдения прав. Те, кто уважает наши требования, заслуживают ярлык «этичных» – или, скорее, их поведение, состоящее в соблюдении наших требований, заслуживает ярлык «этичного поведения», и мы ценим этичность, которую они «демонстрируют», соблюдая наши требования.

*Вербальные сокращения*⁶ для тел, опосредующих ответы. Скорее всего, к настоящему моменту едва различимый субъектный характер построения последнего предложения вызывает у некоторых читателей реакции наморщивания лба или раздражения, поскольку они знают, что не существует внутренних субъектов, которые бы выражали этичность или приказывали телу выказывать уважение по отношению к требованиям соблюдения прав. Тогда что же вызывает эту, казалось бы, субъектную формулировку? Возможно, сложность рассматриваемых тем заставляет автора распространить статус допустимых вербальных сокращений на такого рода формулировки ради экономии места, как упоминалось в предшествующих главах; или, возможно, автор находится под влиянием контингенций, заставляющих избегать написания десятков страниц, продолжающих развитие бихевиорологической грамматики, обеспечивающей большую экономность, но являющейся отступлением от темы. Более вероятно, что субъектная формулировка в вербальном сокращении как для автора, так и для читателя возникает из более обыденных, но научно обоснованных источников. Примем во внимание, что если некоторое поведение существует только в течение своего протекания, то тело существует до, во время и после протекания этого поведения, опосредуемого им благодаря побудительному влиянию соответствующих стимулов. Таким образом, благодаря простому респондентному обусловливанию, неизбежно происходящему, когда поведение протекает в присутствии тела, и поведение, и тело – а позднее, возможно, только тело – вызывают у нас экономящие энергию вербальные сокращения. Успех этого обусловливания приводит к тому, что «я», «мы» и другие личные местоимения относятся теперь не к внутренним субъектам, а просто к телам, опосредующим ответы, и это тот вариант использования, которого мы продолжаем придерживаться. Подкрепляющая ценность этой правильной научной формулировки ведет к обусловливанию более правильного вербального поведения в общем и к требованиям соблюдения прав в отношении более точного вербального поведения; ваше и мое использование местоимений в таком ключе, со ссылкой на тела, опосредующие ответы, не только позволяет снизить количество отвлекающих формулировок в пассивном залоге, но также дает нам один тип бессубъектного активного залога как части новой, более дружественной для науки грамматики. Давайте применим это

⁶ В оригинале – ‘shortcuts’, т. е. «ярлыки», ссылки на элементы, доступные в сети или на компьютере (примеч. пер.).

на практике для объяснения основного положения, касающегося этики. Хотя стимулы вызывают маркировку кем-то (т. е. опосредуемую его телом) тех, кто уважает (т. е. тел, которые опосредуют уважение) наши требования соблюдения прав, как *этичных*, лишь только поведение соблюдения этих требований на самом деле заслуживает ярлыка *этичного поведения*. Избавление от внутренних субъектов позволяет надлежащим образом использовать экономичные местоимения.

Этические сообщества. Поскольку при дальнейшем обсуждении будет использоваться понятие «*этическое сообщество*», давайте дадим ему определение. Мы определяем этическое сообщество как группу людей, разделяющих уважение к одному или более правам, которые являются общими для всех. Хотя сам ярлык появляется только сейчас, мы уже сталкивались с этическими сообществами; вспомним ту широкую группу законопослушных граждан США, разделяющих уважение к гарантированному Второй поправкой конституционному праву лиц на хранение и ношение оружия. Они составляют этическое сообщество. Мы можем с легкостью распознать другие большие и малые этические сообщества, иногда поддерживающие друг друга или перекрывающиеся, в других случаях нейтральные по отношению друг к другу, а иногда – находящиеся в конфликте или конкурирующие иным образом. На одном конце спектра таких групп вы можете найти, к примеру, группу, которая уважает право владельца жилого комплекса на утилизацию старых унитазов путем использования их в качестве уличных цветочных горшков, в то время как другая группа уважает права других (к примеру, туристов) на то, чтобы не омрачать подобными горшками процесс осмотра достопримечательностей. Где-то еще на общем континууме этических сообществ вы можете найти группу, уважающую права животных на сохранение их естественной среды обитания; группу, уважающую права детей на эффективное образование; группу, уважающую права пациентов и клиентов с нарушениями поведения на эффективное лечение; группу, уважающую права людей на заработок и наслаждение прожиточным минимумом; вы даже можете найти маленькую группу, уважающую права ее участников на то, чтобы брать все, что им вздумается, у других (хотя большая группа, у которой они забирают, что хотят, называет их преступниками); и, среди множества других групп, уважающих различные права, вы найдете большую группу, уважающую права человечества на защиту родной планеты от перенаселения, загрязнения и т. д. Все они, равно как и многие другие, являются этическими сообществами.

В случае другого воздействия на этику со стороны респондентного обусловливания принуждение – возможно, в форме практик карательного правоприменения – респондентно обусловливает негативные эмоциональные реакции, особенно членов группы, на стимулы, которые сопровождают ответы, не уважающие этику сообщества. Как результат, даже легкие отклонения от обусловленных принятых практик этического сообщества автоматически вызывают эти аверзивные эмоциональные реакции, от которых можно сбежать только путем возвращения к этическим практикам группы и их поддержания. К примеру, после масштабного и иногда встречающего сопротивление оперантного и респондентного обусловливания в течение жизни и обучения в медицинской школе врач может испытывать сочувствие к неизлечимо больному пациенту, просящему помощи в том, чтобы устроить для себя более ранний и более достойный конец, нежели ожидание гарантированного и крайне мучительного исхода. Даже перед рассмотрением подобного варианта сам вопрос, противоречащий этико-правовым аспектам обусловливания, полученного благодаря медицинскому образованию, вызывает сильные негативные эмоции. Учитывая историю обусловливания врача, эти обстоятельства вызывают приемлемые с медицинской точки зрения шаги – такие, как медикация, вводящая пациента в ступор, сохраняющийся по мере того, как иные процессы приводят к более ранней или менее болезненной кончине. Пациент умирает с меньшим достоинством, но врач избегает не только аверзивных эмоциональных реакций, но и обвинений в неэтичном поведении, которые могут привести к тюремному заключению. То, что другие будут настойчиво возражать против подобного наказания, будет слабым утешением для посаженного в тюрьму врача (если вам интересны эти темы, Лоренс Фрейли [Fraley, 2012] подробно к ним обращается в книге 2012 г. «Умирание с достоинством – бихевиорологическая танатология» / *Dignified Dying – A Behaviorological Thanatology*).

Также обратим внимание на автоматическое обусловливание позитивных эмоциональных реакций – в особенности, участников группы – на стимулы, сопровождающие ответы, уважающие этику сообщества. Примерами могут быть эмоции, испытываемые как чувства успеха и причастности, вызываемые стимулами, которые указывают на уважение ваших ценностей другими. То же самое обусловливание заставляет сходные стимулы вызывать эмоции, испытываемые как чувства внутригруппового товарищества, солидарности и взаимной поддержки.

Мы познакомились с некоторыми аспектами того, как естественная наука рассматривает этику (также ценности, права и – чуть далее – мораль). К их числу относится связь этики с респондентными процессами – через ассоциирование тела и поведения – и обусловливание позитивных и негативных эмоциональных реакций на стимулы, ассоциируемые с этичным и неэтичным поведением соответственно. Также к ним относятся некоторые связи между оперантным обусловливанием и этикой – опосредуемые правами, ценностями, добавляемыми и вычитаемыми подкрепителями – обнаруживающие себя в виде снижения негативных эмоций после того, как стимулы вызывают поведение избегания. Все вышеозначенное показывает, что, как и в случае всего нашего поведения, этическое поведение является функцией переменных, действующих в прошедших и актуальных оперантных и респондентных контингенциях. Отчасти поэтому в гл. 1 мы назвали бихевиорологию естественной наукой о философии, разделе, в котором обычно фигурируют темы, связанные с древними вопросами человечества, и области, образованной вербальным поведением, с которым имеет дело бихевиорология. Ни одно мистическое представление не получает статус надлежащего объяснения ценностей, прав или этики.

То же применимо и к морали. Тем не менее прежде чем мы перейдем к этой теме, давайте рассмотрим еще один из множества аспектов этики, который мог бы быть включен в обсуждение куда более детальное, нежели наше эскизное ознакомление. Большая часть нашего обсуждения пока что касалась этики среди людей, обладающих равным статусом. Но что насчет ситуации, когда кто-то получит какого-либо рода власть над остальными? Вспомним, что этика касается соблюдения прав других, уважения требований других насчет беспрепятственного доступа к их ценностям, к вещам, которые они ценят, их подкрепляющим стимулам. Но те, кто облечены властью, легко могут не соблюдать права тех, кто находится ниже по статусу. Они могут проявлять неуважение к их правам, организуя или допуская вмешательства в права других – как оставляя собственные права без изменений, так и увеличивая свой доступ к собственным подкрепителям.

Что может предотвратить подобное злоупотребление властью? Необходимые, но противоречащие друг другу этические положения (например, право на неприкосновенность частной жизни) ограничивают доступ общества к переменным, которые могли бы предотвратить неэтичные проявления власти. И все же СМИ регулярно сообщают о начальниках, которые пользуются своими подчиненными. Однако

в возникающих в итоге общих социальных контингенциях находятся переменные, которые порождают первичные, почти абстрактные, но недостаточно мощные этические положения, направленные против таких злоупотреблений. Эти переменные включают в себя опыт практически каждого, когда кто-то, имеющий власть над ними, вел себя таким образом, что нарушал их права, обычно – но не всегда – незначительно. Такой опыт может варьировать от ситуации, в которой старший брат-подросток дразнил вас, пряча ваши очки, до ситуации, в которой менеджер оказывает легкое давление на подчиненного, чтобы тот купил ему ланч, или начальника, требующего оказания сексуальных услуг в обмен на продвижение по службе.

Контингенции, в рамках которых почти все переживают опыт нахождения в подобного рода обстоятельствах злоупотребления властью, заставляют людей отвергать поведение, содержащее такие злоупотребления, как в общем (и почти абстрактно) «неэтичное». Большинство правительств принимают законы против наиболее жестоких форм злоупотреблений властью; некоторые даже принимают законы против менее жестоких форм. Хотя эти законы добавляют еще один уровень последствий к нарушениям прав, обычное этическое научение, существующее в обществе, связано с избеганием большинства таких нарушений; в силу этого обусловливания стимулы, свидетельствующие о возникающих посягательствах на чьи-либо права, вызывают негативные эмоциональные реакции. Избегание этих реакций связано с поведением, которое, напротив, соответствует общепринятой этике. Таким образом, контингенции вызывают некоторое сопротивление извлечению преимуществ из властных отношений ради усиления чьих-либо подкрепителей ценой нарушения прав других. Большинство профессий также требует прохождения этических курсов или непрерывного обучения в этой области для поддержания эффектов этического обусловливания.

Как бы то ни было, продвижение в глубину «общей этики социума» в действительности все ближе продвигает нас к сфере морали. Когда правовых видов этического контроля оказывается недостаточно для обеспечения соблюдения норм, общество начинает обращаться к морали и моральности, чтобы закрыть эту брешь. К несчастью, перевод поведения из категории «неэтичного» в категорию «аморального» не только позволяет увеличить принудительную силу, но также и предоставляет некоторые опасные возможности для проявления насилия и злоупотреблений.

Мораль

В педагогических целях повторим, что понятие «ценности» относится к подкрепителям; понятие «права» относится к доступу к подкрепителям, которые являются ценностями; понятие «этика» относится к поведению, состоящему в уважении требований соблюдения прав на беспрепятственный доступ к ценным подкрепителям. Следующим в этой последовательности «ценности – права – этика» является понятие «мораль», относящееся к этическим положениям, ставшим абстракциями, что может влиять на их связь с реальностями контингенций, на которых основываются ценности, права и этика.

Этическое поведение не только соблюдает требования других, но, по мере обобщения сферы действия входящих в контингенции процессов, некоторые их аспекты приобретают статус *характеристик* стимулов, в особенности тех характеристик, которые не могут существовать обособленно. Наше вербальное обусловливание тогда заставляет нас говорить об этом новом статусе как *абстракции*. Данный феномен выходит за обусловленные границы нашего понятия «этика» и приводит к возникновению иного понятия. Обусловленным термином для обозначения этики на абстрактном уровне является «мораль».

Все более сложные контингенции регулярно создают функциональные стимулы из стимульных характеристик, не существующих изолированно. Обусловливание, производящее абстракции, тем не менее, действует задолго до того, как этическое обусловливание достигает абстрактных уровней. К примеру, раннее обусловливание оставляет различные поведенческие проявления детей под контролем цветов. Цвета – это характеристики, способные создать стимул *в совокупности с другими характеристиками*, но сам цвет не может существовать изолированно. Просто попросите кого-нибудь дать вам красное и только красное, но не нечто красное. Красное «нечто» совмещает характеристику «красноты» с другими характеристиками, в совокупности составляющими стимул, который вам могут дать (например, красную шапку или красную чашку), но краснота не может существовать сама по себе. Даже говоря об этом, мы демонстрируем разные реакции. Когда условия вызывают наше вербальное поведение, которое связано с этой характеристикой, проявляющейся *наряду с другими характеристиками*, мы говорим «красное»; но когда вызываемое условиями вербальное поведение касается этой характеристики, гипотетически *независимой от других*, мы говорим о «красноте».

Когда характеристика стимула не может существовать изолированно, когда она не может реально существовать в отрыве от других характеристик стимула, мы используем термин «*абстракция*». Вы можете отнести это к широкому перечню стимульных характеристик, каждую из которых, когда они не могут существовать независимо, мы называем абстракциями.

Вот пример этического обусловливания, достигающего точки, в которой этика становится абстрактной и позволяет говорить о морали. Когда вы были маленькими, ваши родители могли начинать с предписания не дразнить вашего брата; плохое отношение к брату представляло собой неэтичное поведение. Последующее этическое научение приводило к возникновению этического поведения, состоявшего в хорошем отношении ко всем членам семьи; это позднее распространялось на людей и домашних животных по соседству, в школе, в городе и т. д. На этом этапе плохое отношение к кому-либо из них означает неэтичное поведение. Если такой набор обусловленных этических дополнений продолжит разрастаться, он может достичь точки, в которой станет более абстрактными предписаниями о том, что нравственным является хорошее отношение к любому живому организму где бы то ни было, а причинение вреда аморально. Такое научение (т. е. обусловливание) превращает конкретные этические нормы в абстрактную мораль, которая не знает исключений.

Абстракция, превращающая подобные этические положения в мораль, зачастую порождает парадоксы. Примером может служить использование вами антибиотиков ради спасения жизни, на которую вы имеете право – это одновременно этично (поскольку уважает ваши требования соблюдения прав на ценный подкрепляющий стимул в виде лекарства от инфекции, угрожающей вашей жизни) и аморально (поскольку требует уничтожения микроорганизмов, ответственных за возникновение инфекции)? Вскоре мы увидим еще более веские причины для некоторой настороженности в отношении излишней переоценки роли морали.

Скачок от этики к морали также частично происходит из обусловливания стимульных связей между моралью и другими абстрактными понятиями. Это обусловливание заставляет слово «*нравственный*» вызывать реакции, сходные с теми, что вызывает слово «*добро*». Слово «*зло*» вызывает противоположные реакции, схожие, в свою очередь, с реакциями, которые вызывает слово «*аморальный*». Все это абстракции; они не могут существовать в отрыве от дополнительных характеристик стимулов. Дальнейшее развитие это получает в дихо-

томиях близких по смыслу слов – таких, как приемлемое и неприемлемое, дозволенное и недозволенное, допустимое и недопустимое.

Наше обусловливание также приводит нас к тому, что мы реагируем на стимулы, контролирующие эти связанные с моралью дихотомии, как на внутренние качества. Это отличает их от этики, поскольку мы реагируем на поведение как этическое или неэтическое на основе внешних критериев, связанных с конкретными требованиями соблюдения прав. Мы можем оценить этическое поведение как фактически соответствующее требованиям, и мы можем оценить неэтическое поведение как фактически противоречащее им. В любом случае, определение этического или неэтического полагается на конкретные внешние критерии. Тем не менее обусловливание побуждает нас по-разному реагировать на моральное и аморальное поведение на основании (т. е. под контролем связанных с этим побудительных стимулов) того, соответствует ли поведение неким общим, внутренним характеристикам принадлежности к добру и злу соответственно, характеристикам, которые обусловливание сделало функциональными, но которые не могут существовать сами по себе. Этот абстрактный статус морали как вербального стимула в некоторой степени отрывает ее от контингенций, ее производящих, что может привести к проблемам – подобно тому, как к проблемам могут привести правила, которые больше не отражают описываемые в них контингенции, поскольку последние изменились.

Другой связанный с этим результат обнаруживается, когда мы сравниваем этику и мораль. *Изменение в обстоятельствах*, которое мы можем измерить, может привести к изменению нашей оценки конкретного поведенческого проявления с этического на неэтическое, и наоборот. Однако как только процессы обусловливания вынуждают классифицировать поведение как моральное, мы продолжаем реагировать на поведение как хорошее по своей природе *независимо от изменения обстоятельств*. Аналогичным образом, как только контингенции устанавливают оценку некоего поведения как аморального, мы продолжаем реагировать на него как плохое по своему существу независимо от изменения обстоятельств. Мораль, распространяясь и расширяясь дальше, может участвовать в обусловливании большого количества людей, и все они могут затем быть вовлечены в наказание аморального поведения. Тем не менее из-за упомянутого ранее абстрактного характера изменений, происходящим в конкретных этических контингенциях, стоящих за моральными положениями, часто не удается вызвать соответствующие изменения в соответствующую

щих моральных предписаниях. В результате многие люди наказывают как аморальные те поведенческие проявления, которые на самом деле являются этичными. К примеру, многие сейчас наказывают как аморальные формы поведения, связанные с гуманными, этичными попытками снизить население земли до более стабильных уровней.

Кроме того, моральное поведение всегда происходит в связи с телом, которое его опосредует, поэтому присущая ему добродетельность распространяется на тело посредством обычного процесса ассоциирования. Благодаря нашему культурно обусловленному предпочтению, отдаваемому представлениям о наличии внутренних субъектов, присущая теперь телу добродетельность распространяется еще дальше – на «личность», которую мы затем считаем внутренне добродетельной, что вызывает еще лучшее отношение к его или ее нравственному поведению. То же относится и к аморальному поведению, когда внутренняя порочность распространяется сначала на тело, а затем на «личность», которую мы считаем внутренне порочной, что вызывает еще худшее отношение к его или ее аморальному поведению. Это демонстрирует нам увеличение принудительной силы, на которое мы ссылались ранее. Когда подкрепляющие стимулы начинают зависеть от силового навязывания статуса поведения, которое властная группа считает неэтичным, это обстоятельство вызывает у нее вербальное поведение, состоящее в требованиях изменения характеристики поведения с «неэтичного» на «аморальное» для всей культуры. Поскольку аморальное поведение остается абстрактно порочным независимо от обстоятельств, такое изменение позволяет и даже поощряет более радикальные формы насаждения текущей морали, что открывает двери для беспрепятственных и – слишком уж часто – долговременных санкций за, возможно, неверно истолкованные нарушения морали. Мы называем их «возможно, неверно истолкованными», поскольку моральные предписания являются продуктом процессов поведенческих контингенций и не высечены на камне. Они могут стать пагубными, когда сменяются контингенции. Они могут стать пагубными подобно тому, как правила становятся все менее полезными, и даже вредными, когда контингенции, устанавливаемые или описываемые правилами, изменяются – как мы выяснили в конце гл. 12.

Такого рода события должны быть для вас красными флажками, сигнализирующими об опасности. Однако более пристальное внимание к ним переместит нас на уровни детализации, которые не подходят для нашего вводного анализа. И все же подобного рода детали

помогают прояснить степень предпринимаемого бихевиорологией естественно-научного анализа ценностей, прав, этики и морали, поэтому я призываю вас изучать их через ссылки – в частности, на гл. 25 написанной в 2008 г. книги Фрейли «Общая бихевиорология» / *General Behaviorology* [Fraleu, 2008] (см. также: [Fraleu, 2012]).

Но прежде чем подвести итоги и завершить данный раздел, давайте повторим, что предположения о наличии некоторой внутренней добродетельности или порочности «личности» означает также неверное истолкование «личности» как мистического внутреннего субъекта (или представителя такого рода внутреннего субъекта). Вместо этого, придерживаясь научной точки зрения, мы понимаем «личность» как потенциальный и актуальный поведенческий репертуар, посредником которого может выступать тело благодаря генетике и истории обусловливания – это тот тезис, к которому мы вернемся в последующей главе. Сейчас, как бы то ни было, понимание личности как внутреннего субъекта иллюстрирует для нас некоторые из распространенных возражений в адрес бихевиорологии, зачастую ошибочно утверждающихся сначала на уровне этических проблем, а затем на уровне моральных соображений, который имеет тенденцию вызывать осуждение со стороны культуры – осуждение, которое приводит к неблагоприятным последствиям в той мере, в какой выживание человечества полагается на бихевиорологию. Естественные науки по определению исключают мистические представления из своих объяснений, и в рамках бихевиорологии это означает исключение внутренних субъектов из объяснений поведения. Поэтому кто-либо, чье обусловливание вызвало принятие представлений о внутреннем субъекте, выражает категорическое несогласие с бихевиорологией не исходя из технических, интеллектуальных или научных соображений, а на моральных и связанных с ними эмоциональных основаниях. Претензия звучит следующим образом: «Как смеют эти бихевиорологи противопоставлять свою естественную науку общепринятой моральной реальности, в которой не только наш мистический, теологический макси-бог перемещает горы, но и наши мистические, светские мини-боги двигают нашими руками и ногами!». Этими мини-богами, конечно же, являются внутренние субъекты любого рода. Такие люди воспринимают идею внутреннего субъекта как нечто хорошее; в конце концов, все началось с теологических представлений о душе, после чего ярлык сменился на более светские психику, сознание, самость, личность, индивидуальность и т. д. По этой причине они рассматривают бихевиорологический научный экзорцизм внутренних субъек-

тов как нечто автоматически и по своей сути плохое, даже порочное. И традиционные моральные представления о добре и зле обуславливают стремление оставаться на стороне добра, сражаясь со злом. Как и в случае некоторых других, уже принадлежащих прошлому научных взглядов (к примеру, взглядов Дарвина), имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в обществе все еще недостаточно успешно обусловлено сопротивление выполнению этого предписания о борьбе со «злом», достигающего неэтичных, даже аморальных крайностей; к примеру, обратите внимание на выпады против естественных наук в целом и эволюционной биологии и бихевиорологии в частности. Нам нужны перемены, которые бы поспособствовали выживанию. Давайте теперь подведем итоги перед тем, как перейти к последней теме этой главы, верованиям.

Выводы и заключение о подкрепителях в контексте морали

Давайте подведем итоги относительно взаимосвязанной цепочки подкрепляющих стимулов, ценностей, прав, этики и морали. Наши подкрепители являются или становятся нашими ценностями. Стимулы в различных контингенциях вызывают наши утверждения о том, что мы имеем права на неограниченный доступ к этим ценностям, этим подкрепителям. В свою очередь, этика включает в себя уважение наших правовых требований беспрепятственного доступа к нашим ценным подкрепляющим стимулам, а наше обуславливание заставляет нас применять ярлык «*этичных*» по отношению к тем, кто уважает наши требования, и – в дальнейшем – ярлык «*этичного поведения*» по отношению к их поведению, уважающему наши требования соблюдения прав. Далее мы говорим о морали, когда посредством процессов, подобных генерализации и другим расширениям обуславливания, этическое обуславливание достигает точки, в которой этика становится абстрактной, т. е. начинает включать в себя стимульные характеристики, не имеющие самостоятельного существования; это усиливает принудительный потенциал, но ценой риска причинения вреда нашей культуре и перспективам выживания из-за нечувствительности к разумным исключениям и определенного сопротивления необходимым переменам.

В заключение еще раз обратимся к различию между безусловными и условными подкрепителями, поскольку это различие порождает не только дихотомию абсолютной и относительной морали, но и абсо-

лютной и относительной этики, прав и ценностей. Мы рассматриваем безусловные подкрепители, которые, согласно своей роли в видовом и индивидуальном выживании, благодаря генетически определенным нервным структурам выступают как ценные *по своей сути*. С другой стороны, мы рассматриваем условные подкрепители как *относительно* ценные. Мы говорим «относительно», поскольку эти стимулы, изначально не имеющие функций подкрепляющих, приобретают статус ценностей только благодаря процессу обусловливания, наделяющему их функцией условного подкрепления; *без этого процесса они не имеют статуса ценностей*. Так, к примеру, еда и секс ценны по своей сути, в то время как деньги и музыка – всего лишь относительные ценности. Делает ли это еду и секс абсолютными ценностями?

Давайте рассмотрим этот вопрос. Влияя на статус ценностей, разница в происхождении различных подкрепителей проходит красной нитью через всю последовательность рассмотренных понятий, от ценностей к правам, к этике и к морали. Во всех этих случаях мы можем рассматривать только стимулы, которые обладают статусом безусловных подкрепителей и потому имеют статус ценных по своему существу, как претендующие на положение «абсолютных» ценностей, и потому порождающих абсолютные права, абсолютные этические и моральные предписания. Таким образом, некоторые могут утверждать, что, обладая характером безусловности и ценности по своему существу, еда и секс действительно являются абсолютными ценностями (а также правами, этическими нормами и, возможно, моральными положениями). Между тем, другие стимулы, обладая статусом условных подкрепителей, удерживают за собой статус относительных в смысле произвольности или обусловленности; если произошло обусловливание, то появляется статус ценности – а отсюда и права, этического и, возможно, морального предписания, но если обусловливания не случилось, то эти стимулы не являются ценностями, и т. д.

Однако являются ли претензии на абсолютный статус абсолютными? На самом деле, нет. Хотя некоторые стимулы, вызывающие нечто *неотъемлемое*, также вызывают нечто *абсолютное*, само понятие «абсолютное» чревато неточностями. К примеру, статус секса как безусловного подкрепителя ведет к утверждению о том, что продолжение рода (т. е. секс с целью деторождения) является абсолютной ценностью, явно необходимой для выживания вида. В каком-то отношении это верно, и некоторые люди утверждают, что по этой причине культура должна поощрять отношения, поддерживающие

репродуктивный секс как единственную легитимную форму отношений. Но в другом отношении представление о репродуктивном сексе как неоспоримой, абсолютной ценности, необходимой для выживания, является опасной ошибкой. Оставляя в стороне дебаты на темы противостояний свободной любви и нуклеарной семьи, а также гетеросексуальности и гомосексуальности, мы можем увидеть, что секс с целью деторождения – вместо абсолютной ценности, права, этического и морального предписания – является абсолютной катастрофой. Достаточно принять во внимание, что текущий уровень репродуктивного секса между людьми на нашей планете ведет к гибели всего живого на планете, включая человечество. Как упоминалось в одной из предыдущих глав, человеческая популяция уже превышает более чем в полтора раза допустимые возможности нашей планеты. Это не может долго продолжаться, не предвещая катастрофических последствий в значительных, даже непристойных масштабах. Разве это не превращает репродуктивный секс (в противовес другим формам секса) в как минимум серьезную, хотя и частичную, угрозу для выживания вида? Люди всегда будут производить достаточное количество детей для видового выживания. Но (говоря субъектным языком) другие, не нацеленные на деторождение формы секса по обоюдному согласию между взрослыми людьми в данный момент времени вносят вклад в наше видовое выживание, не производя на свет детей и, следовательно, гуманным образом снижая темпы прироста населения. Получаемый в итоге выигрыш для видового выживания повысится в зависимости от того, насколько быстро новая, общая для культуры этика станет поощрять самый широкий спектр не связанных с эксплуатацией отношений, включающих сексуальные практики, не связанные с беременностью. Даже «нулевой прирост населения» сейчас является совершенно неприемлемым вариантом.

Человечество слишком медленно предприняло слишком малое количество шагов по контролю за численностью населения. Будем ли мы просто ждать, пока бедствия не уничтожат два или три миллиарда нас? Условия цейтнота превращают стимулы, *подкрепляющие альтернативы репродуктивному сексу* – а потому снижающие уровень прироста населения – в разумные ценности, права и этические нормы, которые должны быть частью любых экологических мероприятий не только ради сохранения нашего, но и многих других видов, чье выживание связано различными контингенциями паутины жизни с тем, разрушат ли наши действия планету или сохранят ее как безопасное для проживания место. До момента, наступившего приблизи-

тельно сто лет назад, репродуктивный секс был действительно стабильной опорой для выживания нашего вида, но сейчас, *в условиях изменившихся контингенций*, наши наиболее обыденные и архаичные культурные институты все еще решительно пытаются вызвать проблематичные чувства вины, стыда или греховности за любые другие формы сексуальной активности. Тем не менее репродуктивный секс теперь работает против нашего выживания, приводя к повышению уровня населения. Могут ли контингенции вызвать в нас изменения, чтобы увеличить поддержку долгой и уважаемой истории идеи планирования семьи и усовершенствовать ее, позволяя и даже поощряя – без религиозного наказания или светского преследования – широкое использование технологий и методов контроля рождаемости и, опять-таки, различных форм секса взрослых людей по обоюдному согласию, которые не приводят к рождению детей? Если нам не удастся *гуманным образом* снизить численность населения, то бедствия – как те, которые вызваны глобальным потеплением – сократят нашу популяцию *негуманно!*

Обратите внимание, что опасности утверждений морального характера, рассмотренные ранее, не позволили мне включить таковые в данные комментарии по поводу ценности – а также правового и этического значения – альтернатив репродуктивного секса для выживания в настоящий момент. То, приобретут или нет – или в какой мере и на какое время – моральный статус эти альтернативы, остается вопросом естественным образом происходящего культурного обуславливания.

Точность, неточность или даже реальность наших верований, тем не менее, может играть роль в успехе наших предприятий по исправлению экологической ситуации. Поэтому давайте теперь перейдем к последней теме этой главы, теме верований.

Верования

Как и отношения, с рассмотрения которых мы начали эту главу, *верования* лишь косвенно связаны с нашей цепочкой «ценности – права – этика – мораль». Тем не менее верования и отношения связаны между собой, и значительная часть этой связи обусловлена сходствами в типах переменных, которые вызывают оба понятия. После наблюдения за индивидуальным или групповым поведением мы можем описать это поведение, сказав, что у кого-то имеется серьезное отношение, к примеру, к черной магии или к свободной воле. С дру-

гой стороны, их собственное наблюдение за своим поведением может заставить их сказать, что они *верят* в черную магию или в свободную волю. По меньшей мере на этом уровне понятия «отношение» и «верование» взаимозаменяемы; некоторые переменные могут вызвать у нас высказывание о том, что кто-то верит в свободную волю или черную магию, и эти же переменные могут также вызвать у них высказывание о том, что они серьезно относятся к свободной воле или черной магии. Хотя формулировка данных замечаний содержит некоторые общие идеи касаясь взаимосвязей между отношениями и верованиями, давайте рассмотрим последние более детально, чтобы лучше раскрыть часть из этих взаимосвязей.

Начнем с того, что хотя у общепринятого использования понятия «верование» есть проблемы, связанные с круговой аргументацией и субъектностью, верования, как и отношения, присущи контингенциям, а не внутренним субъектам. Когда контингенции порождают отношения контроля, благодаря которым некоторые стимулы сильно, всесторонне и последовательно воздействуют на кого-либо в интеллектуальном и эмоциональном плане, тогда мы можем описать данный результат как верование.

В дополнение к тому, что верования страдают от проблемы круговой аргументации (которую мы скоро проиллюстрируем) и проблемы внутренней субъектности (к примеру, «кто» «осуществляет» действие верования?), мы также можем воспринимать верования как вероятности. Верование описывает высокую вероятность того, что некоторый стимул в рамках одной или более контингенций будет последовательно вызывать определенные и предсказуемые паттерны поведения. Например, в некоторых культурах в определенные варьирующие периоды праздников типичное обусловливание маленьких детей вызывает с высокой степенью вероятности поведение, которое мы называем верой в Санта-Клауса. Хотя это типичное обусловливание довольно неприятно и остается незамеченным, вы, тем не менее, наблюдали его больше, чем один раз (к примеру, будучи ребенком и взрослым; как гласит вполне уместное, хоть и культурно-специфичное, высказывание, существует четыре стадии Санты: сперва вы верите в Санту, затем вы не верите в Санту, затем вы и есть Санта, и, наконец, вы выглядите, как Санта). Как и следовало бы ожидать, в сезон праздников определенные стимулы контролируют некоторые стандартные поведенческие паттерны. Эти стимулы включают – в зависимости от географического местоположения – приход зимы, снегопад и мно-

гие другие переменные, каждая из которых может обладать эффектом воздействия на конкретного ребенка, вызывая характерные для сезона паттерны поведения. Другие из этих сходным образом функционирующих стимулов включают прилавки, зачастую посвящаемые праздничной тематике за месяцы до первого снега, уличные украшения, рождественские елки и т. д. Типичные паттерны поведения включают в себя увеличение числа детей, которые пишут и отправляют послания на Северный полюс, оставляют записки Санта-Клаусу и т. д. К вящему восторгу их авторов, многие из писем появляются в местных газетах или на локальных веб-сайтах.

Конечно, как и в случае большого количества верований (например, веры в черную магию или в свободную волю), за многими из связанных с верованиями действий следуют подкрепляющие стимулы множества типов. Некоторые, даже многие, из этих подкрепителей следуют за ответами случайно, что придает статус суеверия общим поведенческим моделям, которые мы называем верой (в Санта-Клауса или во что угодно).

Представление о верованиях как вероятностях, однако, имеет тенденцию отвлекать нас от другой их характеристики – того, что они задействуют круговую аргументацию. Хотя мы указывали, что отношения обладают той же характеристикой, давайте рассмотрим это более подробно применительно к верованиям. И для сторонних наблюдателей, и для самих верящих единственное доказательство наличия верований (и отношений) проистекает из форм поведения, которые верования (и отношения) предположительно объясняют. Это может быть вербальное поведение, как в случае утверждений о верованиях, или невербальное поведение, как в случае определенных поведенческих паттернов, подчиненных той теме, которую конкретное верование называет. Как только контингенции вызывают утверждение о веровании или связанные с ним поведенческие паттерны, и верящие, и наблюдатели делают выводы о верованиях по этим вербальным и невербальным проявлениям, а затем используют эти гипотетические верования как причины или объяснения данных форм поведения. Такой порочный круг можно увидеть в нашем примере про Санта-Клауса:

«Почему Джейн и Джон пишут Санте письма?»

«Потому что они верят в Санту».

«Что заставляет вас говорить, что они верят в Санту?»

«Написание ими писем Санте заставляет меня говорить, что они верят в Санту».

«Но почему они пишут эти письма Санте?»

«Потому что они верят...» и т. д.

Эта круговая аргументация демонстрирует, что верования, как и отношения, подпадают под категорию фиктивных объяснений поведения. Предполагается, что вера в Санту вызывает реакции написания писем-Санте. Люди легче поддаются этому ложному объяснению, когда наше языковое обусловливание заставляет нас рассматривать верования как нечто, чем люди обладают («имея» или «придерживаясь»). Если вы имеете нечто, то оно может заставить вас делать какие-то вещи. Вот только что или кто имеет или делает? Конечно же, ваш любимый непроверяемый мистический внутренний субъект. Мы относимся к внутренним субъектам, обладающим верованиями, таким же образом, как к внутренним субъектам, обладающим отношениями, тем же самым образом, каким мы относились ко всем этим мистическим внутренним субъектам; мы давно с научной точки зрения дискредитировали саму идею внутренних субъектов и отвергли их.

Также верования и отношения связаны в том, что как в случае первых, так и в случае последних мы часто наблюдаем расхождение между тем, во что, по словам людей, они верят, и теми поведенческими проявлениями, которые обнаруживаются. Как и в случае с отношениями, это происходит потому, что эти различные формы поведения контролируются различными контингенциями. Учитывая такие расхождения между вербальным и невербальным поведением, возможно, самым безопасным подходом к верованиям является тот, согласно которому они, в лучшем случае, являются относительно ненадежными языковыми сокращениями, описывающими в общих чертах поведение, к которому относятся.

Заключение по некоторым давним вопросам

Завершая эту главу, давайте выйдем за рамки проблемы отношений и верований, хотя мы все и могли бы только выиграть от большего обусловливания, обеспечивающего уважительное отношение и веру (т. е. формы поведения, которые можно описать как уважение и поддержку) в науку в области признания глобального потепления, а также развития и внедрения надежных экологических решений, которые могут помочь нам выжить. Помимо всего этого, давайте обратим внимание – как часть того, чем мы сейчас занимаемся – на то, как развитие бихевиорологии увеличивает наш человеческий потенциал

в сфере эффективного взаимодействия с ценностями, правами, этическими и моральными положениями, касающимися чистого воздуха и питьевой воды, здоровой атмосферы, неповрежденного озонового слоя, свободной от пестицидов еды, безопасного перемещения, возможности вторичной переработки, экологичного образа жизни, соответствующего ресурсам планеты уровня населения и т. д. К примеру, давайте проанализируем и скорректируем наши повседневные культурные контингенции таким образом, чтобы они лучше обуславливали эффективность таких экологических ценностей, как подкрепители экологичного образа жизни при более низком уровне населения. Затем давайте распространим эти повседневные контингенции так, чтобы (1) они лучше обуславливали эффективные требования соблюдения прав, касающихся всех составляющих более здоровой планеты, и чтобы (2) они лучше обуславливали этику соблюдения этих требований. Тем не менее мы должны помнить о возможных опасностях, состоящих в придании нашими повседневными культурными контингенциями слишком высокого морального статуса этим этическим положениям. Подобного рода моральный статус обладает тенденцией к тому, чтобы сделать этические положения более устойчивыми к изменениям, когда изменяются обстоятельства; например, может развиваться нечто лучшее, но несовместимое с нынешними способами вторичной переработки, а чрезмерная моральная приверженность существующим методам может отложить или помешать его внедрению. Таким образом, чрезмерное моральное обуславливание может поспособствовать контингенциям, работающим против человечества, сходным образом с тем, как правила становятся менее полезными, когда устанавливаемые или описываемые ими контингенции изменяются.

С помощью таких методов мы можем делиться и применять на практике что-то из того, что мы узнали о природе человека и о человеческом поведении. И эти практические приложения показывают, что, возможно, мы наконец-то приближаемся к научно, равно как и эмоционально, удовлетворительным и имеющим значение ответам на некоторые из вопросов, так долго стоявших перед человечеством.

Список литературы

Fraley, L. E. (2008). *General Behaviorology: The Natural Science of Human Behavior*. Canton, NY: ABCs.

- Fraley, L. E. (2012). *Dignified Dying—A Behaviorological Thanatology*. Canton, NY: ABCS.
- Krapfl, J. E. & Vargas, E. A. (Eds.). (1977). *Behaviorism and Ethics*. Kalamazoo, MI: Behaviordelia.
- Skinner, B. F. (1938). *The Behavior of Organisms*. New York: Appleton-Century – Crofts.
- Skinner, B. F. (1948). *Walden Two*. New York: Macmillan.
- Skinner, B. F. (1953). *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan.
- Skinner, B. F. (1971). *Beyond Freedom and Dignity*. New York: Knopf.
- Vargas, E. A. (1975). Rights: A behavioristic analysis. *Behaviorism*, 3 (2), 120–128.
- Wyatt, W. J. (1997). *The Millennium Man*. Hurricane, WV: Third Millennium Press.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2019

Stephen F. Ledoux

**ON ATTITUDES, VALUES, RIGHTS, ETHICS,
MORALS, AND BELIEF**

*State University of New York
34 Cornell Drive, Canton, NY, 13617, USA
ledoux@canton.edu*

References

- Fraley, L. E. (2008). *General Behaviorology: The Natural Science of Human Behavior*. Canton, NY: ABCS.
- Fraley, L. E. (2012). *Dignified Dying – A Behaviorological Thanatology*. Canton, NY: ABCS.
- Krapfl, J. E. & Vargas, E. A. (Eds.). (1977). *Behaviorism and Ethics*. Kalamazoo, MI: Behaviordelia.
- Skinner, B. F. (1938). *The Behavior of Organisms*. New York: Appleton-Century – Crofts.

Skinner, B. F. (1948). *Walden Two*. New York: Macmillan.

Skinner, B. F. (1953). *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan.

Skinner, B. F. (1971). *Beyond Freedom and Dignity*. New York: Knopf.

Vargas, E. A. (1975). Rights: A behavioristic analysis. *Behaviorism*, 3 (2), 120–128.

Wyatt, W. J. (1997). *The Millennium Man*. Hurricane, wv: Third Millennium Press.